

В диссертационный совет 24.2.379.07, созданный на базе
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»,
443068, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, корп. 22 в,
зал заседаний

ОТЗЫВ

**на автореферат диссертации Кристины Александровны Корчагиной
на тему: «Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры
в уголовном судопроизводстве», представленной на соискание
учёной степени кандидата юридических наук по специальности
5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки)**

С 01 июля 2020 г. непосредственно в тексте Конституции РФ закреплены функции отечественной прокуратуры по надзору и уголовному преследованию. Вместе с тем, должного преломления это конституционное положение не нашло в отраслевом законодательстве. До настоящего времени в уголовно-процессуальном законе чётко не разграничены полномочия собственно прокурора и полномочия иных прокурорских работников, однако объём их полномочий различается, они имеют разную правосубъектность. Остаётся дискуссионным и вопрос об уголовно-процессуальных функциях прокурора. УПК РФ относит прокурора (в широком смысле) к стороне обвинения, но осуществление надзорных полномочий за деятельностью органов расследования, как верно отмечает диссертант «преследует явно не обвинительные цели». Остались за рамками уголовно-процессуального регулирования и полномочия должностных лиц органов прокуратуры, связанные с их участием в судебных заседаниях досудебного производства и судебных заседаниях, проводимых после вступления приговора в законную силу. В свете этого **актуальность и значимость** проведённого К.А. Корчагиной исследования, посвящённого имеющимся проблемам правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, обусловленным, в том числе, существующей неопределённостью в понимании их роли и значения как субъектов уголовно-процессуального права, не вызывает сомнений.

Объект, предмет, цель и задачи исследования чётко определены, обуславливают полноту, целостность и внутреннюю согласованность работы, которые нашли отражение в структуре и содержании автореферата.

Теоретическая и практическая значимость, методология и методы, нормативная и эмпирическая основы исследования широко и правильно представлены в работе. Они отвечают всем требованиям, предъявляемым к научным

изысканиям подобного рода, как с точки зрения качества, так и репрезентативности.

Результаты диссертационного исследования, изложенные в автореферате, характеризуются *научной новизной*. В условиях законодательной недоурегулированности процессуального положения должностных лиц органов прокуратуры, диссертантом системно проанализированы роль, место и полномочия прокурора и других прокурорских работников в уголовном судопроизводстве в аспекте их уголовно-процессуальной правосубъектности. Определены порядок и способы получения правосубъектности прокурорами и другими прокурорскими работниками, выявлены связи прокурорского работника с возможными уголовно-процессуальными статусами, обозначены периоды их деятельности в уголовном процессе, показаны различия в целях, полномочиях и формах деятельности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве. Автор выдвигает и доказывает тезис о том, что надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования по своей правовой природе не является уголовно-процессуальной деятельностью, а представляет собой самостоятельный вид государственно-властной деятельности. В работе сформулирована и обоснована идея о наличии у прокурора в уголовном судопроизводстве правозащитной функции, в связи с чем обосновывается необходимость введения в уголовный процесс нового участника – представителя прокурора.

Несомненный научный интерес представляют авторское определение уголовно-процессуальной правосубъектности и обоснование двух способов её приобретения (с. 8, 12), исключение из их системы приобретения уголовно-процессуальной правосубъектности прокурором (с. 8, 13); предложение автора о введении в уголовный процесс нового понятия – «представитель прокурора», обозначающего «прокурора в широком смысле», то есть должностное лицо органа прокуратуры, участвующее по поручению прокурора в судебных заседаниях по уголовным делам и материалам, проводимых за рамками стадии судебного разбирательства и не связанных с осуществлением уголовного преследования (обвинения) (с. 10, 14); обоснование наличия у прокурора (иного должностного лица органа прокуратуры) третьей самостоятельной уголовно-процессуальной функции – функции правозащиты (с. 9, 15, 17).

Заслуживает внимания вывод автора о необходимости законодательного закрепления функций прокурора в зависимости от стадии уголовного судопроизводства и функциональном разграничении предоставляемых прокурору полномочий (с. 16).

Интересным и логичным видится вывод автора о том, что в досудебном производстве прокурор, обеспечивая надзор, выступает не как участник стороны обвинения и даже не как участник уголовного судопроизводства, а в статусе государственного должностного лица, а осуществляемая им функция надзора не может рассматриваться как уголовно-процессуальная, так как является внешней по отношению к уголовному судопроизводству (с. 9, 16).

Бесспорно практическую ценность имеет предложение автора закрепить в УПК РФ правило о назначении прокурором государственного обвинителя одновременно с утверждением итогового обвинительного документа (с. 18).

Судя по автореферату, структура диссертации продумана, является логичной и выражает взаимосвязь общих и частных исследованных вопросов темы, а их изложение отличается последовательностью и полнотой. Теоретические выводы и предложения практического характера, выработанные в процессе исследования, носят *самостоятельный и достоверный характер*.

Наряду с несомненными достоинствами работы, следует обратить внимание на отдельные положения, требующие дополнительной аргументации.

1. В положении 1, выносимом на защиту (с. 8), диссертант, определяя порядок приобретения вовлекаемыми участниками уголовного процесса (потерпевшими, обвиняемыми, свидетелями и др.) правосубъектности, указывает, что правосубъектность у них «возникает с момента их официального признания в соответствующем статусе» (с. 13), то есть с момента вынесения соответствующего решения должностным лицом, ведущим процесс. Как с этим положением соотносятся предписания ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, обязывающие правоприменителя разъяснять участникам проверки сообщения о преступлении их права и обязанности и гарантирующие реализацию этих прав? Вступают ли эти лица в уголовно-процессуальные отношения? Обладают ли участники проверки сообщения о преступлении правосубъектностью? Если нет, то как можно объяснить наличие у них прав (правоспособность) и возможность их реализации (дееспособность)? Было бы целесообразно этот момент более подробно разъяснить.

2. На с. 15-16 автореферата диссертант, раскрывая правосубъектность прокурора как руководителя органа прокуратуры, подразделяет его полномочия в уголовном судопроизводстве на две группы: исключительные и делегируемые. Раскрывая первую группу (исключительные полномочия прокурора как руководителя органа прокуратуры), автор причисляет к ним в том числе полномочия по изменению обвинения и отказу от обвинения. Как это согласуется с ныне действующими предписаниями ч. 7 и ч. 8 ст. 246 УПК РФ, позволяющими государственному обвинителю, которым может выступать (и чаще

